

— Что ты сказал?! — госпожа Ху в негодовании вскочила, с силой хлопнув ладонью по столу. — Пяти сотых тебе мало? Решил вдвое цену задрать?!

Она яростно сверкнула глазами, едва сдерживая крик:

— Ты за кого меня принимаешь? Думаешь, я позволю так над собой издеваться?!

— Госпожа, вы напрасно так кипятитесь. Я лишь скромный управляющий, куда мне до таких дерзостей! — лавочник, несмотря на её гнев, продолжал вежливо улыбаться. — Если разобраться, эта лавка мне даже не принадлежит. Не в моей власти решать, две тысячных брать за выкуп или пять сотых. Я лишь следую тому, что написано в договоре — чёрным по белому.

Улыбка его стала ещё шире, когда он добавил:

— Может быть, госпожа соизволит ещё раз взглянуть на бумагу? Мы ведём дела честно: сколько положено, столько и просим.

Нахмурившись, госпожа Ху снова взялась за договор. Вчера она просмотрела его бегло и не помнила никаких условий о двукратном увеличении. Лишь теперь, взглядевшись внимательнее, она заметила в самом конце крохотную, едва различимую строчку, гласившую, что по истечении трёх дней сумма выкупа может быть увеличена в зависимости от обстоятельств.

Буквы были мелкими и расплывчатыми, а сама формулировка — туманной. Было очевидно, что ловушка расставлялась намеренно, чтобы обвести Чжу Цзычжэня вокруг пальца.

В договоре не указывалось, что плата вырастет именно вдвое, однако лавочник, ничуть не сомневаясь, заявил о двукратном росте. Это был не просто львиный аппетит, а откровенная наглость — он явно задался целью досадить поместью министра.

— Послушай, почтенный, во всём нужно знать меру, — ледяным тоном произнесла госпожа Ху. — То, что я согласилась на пять сотых, уже было великой милостью с моей стороны. Не будь столь жадным, не перегибай палку!

— Госпожа, ваши слова слишком суровы, — лавочник изобразил на лице крайнее смирение. — Вы правы, я всего лишь мелкая сошка, подневольный человек. Моё дело — следовать правилам и честно зарабатывать на кусок хлеба. Куда мне до вас? Поместье министра богато, а ваша душа широка. Даже если сумма удвоится, для такой знатной дамы это сущие пустяки. Стоит ли из-за такой мелочи спорить со мной?

Он намеренно сделал паузу и добавил:

— Я сейчас же велю принести вещи вашего сына, а вы пока...

Заметив, что его взгляд переместился на пачку ассигнаций, госпожа Ху почувствовала, как к лицу приливает жар. Она задохнулась от возмущения, не в силах подобрать слова.

Этот простолюдин осыпал её притворными похвалами, на деле же издевался. Никогда прежде супруга министра не терпела подобных унижений от какого-то мелкого лавочника. В иной момент она бы швырнула ему в лицо гору серебра, лишь бы заткнуть эту наглую глотку.

Но слова управляющего ударили по самому больному месту. Совсем недавно она по крупицам собирала семь тысяч лянов для оплаты долгов Чжу Цзычжэня, а теперь принесла последние шесть тысяч. Лишних двух тысяч лянов, чтобы покрыть возросший выкуп, у неё попросту не было.

Если цена и впрямь удвоится, она не сможет вернуть свои украшения.

— Хорошо же! Значит, по-хорошему ты не понимаешь? Решил во что бы то ни стало обобрать меня? — госпожа Ху смерила лавочника Юя презрительным взглядом. — Пять сотых — это грабёж, но я готова была закрыть на это глаза и счесть платой за урок моему непутевому сыну. Но двойная цена? Ты и впрямь считаешь меня круглой душой, из которой можно тянуть жилы?

Решив дожать наглеца своим статусом, она продолжила:

— Ты утверждаешь, что ты лишь управляющий. Что ж, чья тогда это лавка? Ты сам решил провернуть это дельце, чтобы прикарманить пару лишних монет, или кто-то намеренно натравил тебя на наше поместье? Даже если твой хозяин из императорской родни, неужели он всерьёз хочет нажить врага в лице действующего министра?

Голос её окреп, в нём зазвучала угроза:

— Будь благоразумен, и я позволю тебе нажиться на этих пяти сотых. Но если продолжишь упрямиться, пеняй на себя. Я не побоюсь поднять шум, и тогда мой супруг придет за расчётом не только к тебе, но и к твоему хозяину!

Лавочник на мгновение посерьёзnel и вкрадчиво проговорил:

— Госпожа, к чему такие крайности? Мы ведём честную торговлю, у нас на руках договор с печатью. О какой вражде с министром Чжу может идти речь? И при чём здесь мой господин? Неужели из-за пары тысяч лянов вы готовы зайти так далеко?

Услышав в его голосе тень сомнения, госпожа Ху решила, что он наконец испугался.

— Пара тысяч — дело второе! — торжествующе усмехнулась она. — Главное — твоя дерзость. Ты посмел выставить дураками моего сына и меня, супругу министра! Я человек отходчивый и не люблю ссор, но если ты не одумаешься, я исполню свою угрозу, и пощады не жди!

Лицо лавочника тут же приняло мученическое выражение.

— Госпожа, неужели вы и впрямь так суровы? Вы — почтенная титулованная дама, зачем вам губить такого маленького человека, как я?

— Не хочешь, чтобы я тебя губила? Проще простого, — госпожа Ху с силой прихлопнула ассигнации к прилавку. — Забирай эти деньги и верни мои вещи. Это ведь несложно?

Она была уверена, что победа за ней. Но управляющий лишь тяжело вздохнул.

— Вы требуете невозможного, госпожа! Сказать по правде, для меня нет задачи труднее.

Он с сокрушённым видом посмотрел на неё и тихо спросил:

— А если я скажу «нет»? Неужели вы и впрямь попросите господина министра опечатать мою лавку?

Госпожа Ху вскинулась:

— Я слов на ветер не бросаю! Хватит тянуть время! Неси мою золотую буяо и всё остальное! Я велю — и эту лавчонку в щепки разнесут!

Чувствуя, что противник дрогнул, она решила припугнуть его ещё сильнее. На самом деле, хоть в поместье министра и хватало слуг, Чжу Жуйхун слишком дорожил своей репутацией, чтобы позволить жене устраивать погромы среди бела дня. Если бы госпожа Ху решилась на такое, позору было бы не оберёшься, и её супруг первым бы призвал её к ответу.

Однако лавочник, вместо того чтобы смириться, вдруг резко изменился в лице. Страх в его глазах сменился отчаянием, и он истошно завопил на всю улицу:

— Сжальтесь, госпожа! Не губите!

От этого внезапного крика госпожа Ху даже отшатнулась.

— У меня дома старики и малые дети! — продолжал завывать управляющий. — Вся семья держится на моих грошах! Если господин министр закроет лавку, как нам выжить?!

Пока он кричал, ноги его сами собой вынесли его к самому порогу, где он принялся картинно заламывать руки.

— Молодой господин Чжу сам пришёл, сам всё подписал! Теперь госпожа требует вещи, не желая платить по счёту! Как мне согласиться на такой убыток? Хозяин с меня голову снимет! Пощадите, госпожа, не берите грех на душу!

Он кричал всё громче, привлекая внимание прохожих:

— Куда мне, мелкому люду, тягаться с самим министром? Если вы пришлёте стражу крушить мою лавку, мне всё равно не жить! Лучше уж я прямо здесь, у ваших ног, головой об косяк расшибусь! Чтобы хозяин потом не преследовал мою мать и детей!

Голос его, и без того хриплый, срывался на надрывный плач. Он метался у входа, порываясь броситься под колёса проезжающей мимо повозки.

Госпожа Ху замерла, не в силах вымолвить ни слова от такой наглости.

Столичный люд всегда был падок на зрелища, а Старину Юя на этой улице знали многие. В мгновение ока вокруг лавки собралась толпа. Прохожие обступили лавочника, не давая ему свершить задуманное.

— Лао Юй! Да что ты творишь! У тебя же семья, подумай о близких!

— Что случилось, управляющий Юй? Ты же всегда был рассудительным человеком, с чего вдруг такие мысли?

— Какой ещё министр? О чём он говорит? Неужели какой-то важный чиновник и впрямь решил разорить твою лавку?

Посыпались вопросы, но лавочник лишь горестно качал головой, утирая слёзы:

— Не держите меня, добрые люди! Встретившись с такой несправедливостью, я и дня не проживу. Супруга министра гневается, говорит, я иду против её воли. Лучше мне сейчас уйти из жизни, лишь бы она сменила гнев на милость и не трогала мою семью.

Толпа зашумела, в воздухе повисло недовольство:

— Неужели супруга министра может быть настолько своенравной?

— Решила разорить человека среди бела дня? Довести до самоубийства?!

— Что это за знатная дама такая? Позор!

Госпожа Ху, опомнившись от первого шока, почувствовала, как ярость захлёстывает её. Она шагнула к выходу и резко крикнула:

— Да кто кого доводит?! Этот прохвост сам выскочил и устроил цирк! Его лавка обманом выманивает деньги! По правилам залог стоит две тысячных, а они подменили договор на пять сотых! Я согласилась на это, но ему мало — он требует вдвое больше! Я лишь пригрозила позвать стражу, чтобы закрыть этот притон! Где здесь несправедливость?!

Она пыталась воззвать к разуму толпы, но Старина Юй мгновенно сменил тактику. Он запричитал ещё жалобнее, обращаясь к людям:

— Господа, ну как же так можно? Молодому господину Чжу срочно нужны были деньги. Чтобы я дал ему побольше, он сам согласился на пять сотых! Если брать две тысячных, я бы и половины цены вещей не дал. Но я пошёл навстречу, выплатил девять десятых стоимости, оттого и выкуп выше! Это же законы нашего дела! Я торгую честно, какой здесь обман?

Толпа окончательно встала на сторону лавочника.

— И то верно, Старина Юй всегда честно дела ведёт.

— Девять десятых цены получить, а выкупать за гроши? Слишком хитро выдуманно...

— Сами подписали бумагу, а теперь скандалят. Видали мы таких...

Госпожа Ху не ожидала, что управляющий так нагло переиначит факты. Вместо того чтобы оправдаться, она оказалась под огнём обвинений.

— Ложь! — в сердцах выкрикнула она. — Какие девять десятых?! Будь это так, одна моя золотая буюа потянула бы на десять тысяч лянов! А ты за все вещи дал моему сыну всего четыре тысячи! Там и половины стоимости нет, какие девять десятых?!

Толпа на миг засомневалась, но Лао Юй даже не моргнул. Он с искренним недоумением посмотрел на госпожу:

— Десять тысяч? Госпожа, вы, должно быть, что-то путаете?

Госпожа Ху холодно усмехнулась:

— Эта буюа — вещь из прошлой эпохи, работа величайшего мастера. На рынке за неё и десять

тысяч дадут. Но откуда тебе, мелкому лавочнику, знать цену таким сокровищам? Скорее всего, ты всё прекрасно понимал и просто обманул моего сына, всучив ему жалкие четыре тысячи!

Управляющий Юй на мгновение задумался, а затем неуверенно произнёс:

— Вещь и впрямь старинная, работа тонкая. Будь она целой, за неё бы и десять тысяч не жалко было. Но ведь она... она же разбита вдребезги.

— Что ты сказал?! — госпожа Ху побледнела.

— Хоть она и изуродована, я всё равно дал за неё две тысячи четыреста лянов, — продолжал лавочник. — Это и есть девять десятых от её нынешней цены. Только из уважения к имени господина Чжу я был так щедр. В таком виде за неё больше двух с половиной тысяч никто не даст.

— Лжец! Моя буяо была в идеальном состоянии, как новая! С чего ей быть разбитой?! — сердце госпожи Ху бешено заколотилось. Это украшение было её гордостью. Слышать, что оно погублено, было для неё невыносимо. — Немедленно принеси её! Ты нарочно это выдумал, чтобы не отдавать залог! Я не верю ни единому твоему слову!

— Госпожа, за что вы меня так черните?! — в голосе Юя смешались горечь и негодование. Он выглядел как человек, которого незаслуженно обижают. — Глядите сами, раз не верите. Разве за такое дадут десять тысяч?

Он достал буяо и вытянул руку так, чтобы всем было видно: шпилька была безнадежно изуродована, камни посыпались.

— Теперь верите? Нет во мне ни капли лжи! И подумайте сами: молодой господин Чжу — сын министра, вы — его супруга. Стал бы я рисковать головой ради обмана таких важных особ? Найду я кого попроще для хитростей, если захочу!

Пока управляющий оправдывался, госпожа Ху смотрела на изувеченное украшение. Мир вокруг неё начал меркнуть. Она пошатнулась, и если бы не служанка, подхватившая её под руку, наверняка бы упала.

— Это... это ты! Ты нарочно её сломал! — прохрипела она, впиваясь безумным взглядом в лавочника. — Ты обманул моего сына, испортил мою вещь... Ты специально ищешь ссоры с домом Чжу! Я права?! Ты специально играешь перед этой чернью, чтобы выйти сухим из воды?!

Она обернулась к толпе, глаза её налились кровью, а голос сорвался на визг:

— Жди! Завтра же твою лавку сотрут в порошок!

Толпа замерла, а затем лавочник снова принялся причитать и молить о пощаде. На фоне его показного смирения госпожа Ху выглядела настоящей фурией. Недовольство людей переросло в открытый гнев.

— Да как она смеет?!

— Сами виноваты, а на человека кидаются! Закрывать лавку вздумала!

— Зачем управляющему портить вещь? Чтобы потом из своего кармана убытки покрывать?

— Она же его в петлю толкает!

— В ямэнь её! Пусть она и жена министра, но Старина Юй ни в чём не виноват! Неужели чиновники пойдут против закона ради её капризов!

Люди не решались прикоснуться к знатной даме, но обступили её плотным кольцом. Со всех сторон летели упрёки и брань, кто-то даже плюнул в её сторону. Госпожа Ху, чувствуя на себе сотни презрительных взглядов этих «грязных мужланов», не выдержала и закричала:

— Прочь! С дороги, чернь!

Но толпа, раззадоренная её высокомерием, не отступила. Упрёки стали громче и злее.

— Смотрите на неё! Супруга министра, а правды не знает!

— А я слышал, эта госпожа грозилась при всех лицо исцарапать сыну первой жены! — выкрикнул кто-то из толпы. — Раньше не верил, а теперь вижу — такая на всё способна!

— Тварь злобная...

— Посмотрите на неё! Что за дрянь! Тьфу!

Госпожа Ху, зажата в кольцо разгневанных горожан, почувствовала настоящий страх. Она пришла сюда тайно, взяв лишь одну служанку, а карета ждала в конце переулка. Если эта чернь решит пустить в ход руки, ей несдобровать. Видя, что кольцо сжимается, она высокомерно бросила:

— Я не стану тратить слова на это стадо!

Схватив служанку за руку, она попыталась прорваться к выходу. Но люди не собирались так просто отпускать её. Они преграждали путь, выкрикивая оскорбления. Самые смелые дёрпали

её за рукава и полы платья.

— Что вы делаете?! Пустите! — кричала она, пытаясь запугать их. — С дороги! Всех под палки пущу!

Но её угрозы лишь подливали масла в огонь. Кто-то плюнул ей на подол, в неё полетели гнилые овощи. Теряя остатки самообладания, госпожа Ху, растрёпанная и перепуганная, с трудом пробилась сквозь толпу. Едва завидев карету с гербом министерства, она бросилась к ней. Толпа не решилась преследовать экипаж, но люди не расходились, продолжая оживлённо обсуждать скандал.

Госпожа Ху нырнула вглубь экипажа и велела немедленно гнать домой. Только когда шум толпы остался далеко позади, её сердце начало успокаиваться. Вид её был жалок: причёска растрепалась, шпильки едва держались, дорогое платье было испачкано, а на лице под слоем размазанных румян проступала мертвенная бледность.

— Проклятые черви! — прошипела она, сжимая кулаки. — Я заставлю их захлебнуться собственной желчью!

Служанка нерешительно пробормотала:

— Госпожа... А если... если об этом узнает весь город?

Госпожа Ху вздрогнула. Гнев сменился ледяным ужасом. Она не только не вернула украшения, она узнала, что её любимая золотая буяно погублена, и, что хуже всего, стала посмешищем для всей столицы. Слухи о празднике хризантем едва утихли, и вот — новый скандал. На этот раз никаких сплетен о Чжу Цзылине не хватит, чтобы отвлечь внимание от позора госпожи Ху.

Как ей теперь смотреть в глаза другим знатным дамам? И как отреагирует Чжу Жуйхун? В прошлый раз она прикрылась «морокон», но на этот раз оправданий не было. От этих мыслей дыхание госпожи Ху перехватило, и она лишилась чувств прямо в карете.

Когда бесчувственную госпожу Ху привезли в поместье министра, Жун Чжао уже получил донесение о её позоре. Князь лишь слегка приподнял бровь:

— Эта женщина... оказалась ещё глупее, чем я мог предположить.

Фан Цзянь тоже не скрывал изумления:

— В той лавке мы лишь слегка подготовили почву. Пришлось действовать через людей Цзинь-

вана, что было не совсем удобно. Мы надеялись лишь немного проучить Чжу Цзычжэня, но чтобы госпожа Ху самолично явилась туда устраивать уличный скандал... О чём она только думала?

«Оба хороши: и мать, и сын. Вместо того чтобы затаиться, они на каждом углу трубят о своём родстве с министром. С таким подходом беды не миновать».

На её месте любой разумный человек запер бы сына под замок, а на вещи из ломбарда махнул рукой. Но скудоумие госпожи Ху сыграло им на руку. К тому же Старина Юй проявил недюжинный талант, разыграв эту сцену.

Формально лавка не имела отношения к Жун Чжао — она принадлежала одному из приближенных старшего принца. Жун Чжао лишь предположил, что Чжу Цзычжэнь выберет для своих дел именно такое место — неприметное и далёкое от министерского квартала. Он передал нужные инструкции своим людям в окружении Цзинь-вана, и результат превзошёл все ожидания.

Скандал с участием супруги министра, чинившей произвол над простолюдинами, станет главной темой для сплетен во всех чайных домах столицы. Не пройдет и трёх дней, как об этом будут судачить в каждом переулке.

— Пришло время и для игорного дома, — бесстрастно произнёс Жун Чжао. — Пусть нагрянут туда как раз к возвращению Чжу Жуйхуна.

Он едва заметно усмехнулся:

— Сделаем моему дорогому тестю сразу два роскошных подарка в один день.

<http://bllate.org/book/15829/1441652>